

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 271.2:94(470)«17»

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-46-51

РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ ИЛИ СПОР О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ефремов С. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская федерация

Аннотация

Цель. Представить авторский взгляд на историю возникновения старообрядчества в противовес сложившихся в дореволюционной и советской историографии подходов.

Процедура и методы. Анализ историографии проведён с использованием историко-сравнительного и историко-аналитического методов.

Результаты. В статье автор критически подходит к мнению дореволюционных и советских историков о проблеме возникновения старообрядчества. Выдвигается тезис о стремлении вождей старообрядчества к идеалам «Святой Руси», пусть и не высказанным явно.

Теоретическая и/или практическая значимость. На примере истории русского раскола показать опасность идеологического и духовного разрыва в обществе.

Ключевые слова: раскол, старообрядчество, реформы Никона, дореволюционная и советская историография

SCHISM IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: A SOCIAL PROTEST OR A DISPUTE ABOUT THE WAYS OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

S. Yefremov

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To present the author's view of the history of the emergence of the Old Believers as opposed to the approaches developed in pre-revolutionary and Soviet historiography.

Methodology. The analysis of historiography was carried out using historical, comparative and historical-analytical methods.

Results. The author critically approaches the views of pre-revolutionary and Soviet historians on the problem of the emergence of the Old Believers. The paper puts forward a thesis about the dedication of the leaders of the Old Believers to the ideas of «Holy Russia», although it is not explicitly stated.

Research implications. Using the example of the history of Russian schism to show the danger of an ideological and spiritual gap in society.

Keywords: schism, Old Believers, Nikon's reforms, pre-revolutionary and Soviet historiography

Введение

История русского раскола – это в большой степени история разделения и разночувствования многих миллионов подданных царя Алексея Михайловича (да и его преемников на престоле), но в исторической литературе, ориентированной на те или иные сиюминутные требования и положения, как дореволюционные, так и советского времени, эта история во многом получила несправедливую оценку.

Если дореволюционная историография внимание уделяла личным противоречиям патриарха и раскольников, то советская – делала акцент на роль в движении социальных факторов, которые трудно считать основными. От четверти до трети русских «ушли в раскол» (по сведениям А. Муравьёва), и вряд ли причиной этого стала личная неприязнь патриарха к протопопу Аввакуму, если таковая и была, особенно имея в виду последующие многочисленные «гари» старообрядцев, для такого поступка требовались значительно более весомые основания.

Со всеми вышеобозначенными сомнениями и недоумениями мы и намерены разобратся в данном исследовании.

Историографический обзор подходов к причинам старообрядчества

В дореволюционной, советской и постсоветской историографии предпринимались самые разные попытки объяснения возникновения раскола в Русской православной церкви.

До революции господствовало мнение о главенстве личностных мотивов в явлении раскола. Так, С. Соловьёв указывал на самовластный, нетерпимый характер Никона, его неумение договариваться с оппонентами (и бывшими единомышленниками по кружку «ревнителей древлего благочестия»). Подчёркивая деспотический характер патриарха, историк так описывал сцену поставления Никона на патриаршество: царь Алексей Михай-

лович «лежа на земле и проливая слезы со всеми окружающими, умолял Никона не отречься» [11, с. 523] (как известно, Никон трижды отказывался от патриаршества, но согласился после присвоения ему титула, равного царскому – «Великий государь»).

Примерно также трактовал причины раскола преосв. Макарий, написавший «Историю русского раскола»: он говорил, что у Аввакума, Ивана Неронова, епископа Коломенского Павла (сторонника старообрядцев) была «личная вражда <...> к патриарху» [9, с. 452], объясняя эту вражду поначалу удалением Аввакума и Неронова от должностей справщиков (каковыми они никогда не были), а затем потерей авторитета сторонников старообрядчества при Никоне, которым те якобы пользовались при патриархе Иосифе. Тот же Макарий писал о «неучёности» старообрядцев, хотя, скажем, современные нам авторы свидетельствуют, что «в старообрядческих духовных центрах сосредотачивались значительные книжные собрания» [9, с. 56].

Несколько другую позицию, значительно более близкую к действительности, занимали С. Ф. Платонов и крупнейший историк русской церкви Е. Е. Голубинский [4]. Первый видел суть раскола в противостоянии «патриотов» – сторонников Аввакума и греков с примкнувшими к ним киевскими монахами, занимавшимися исправлением книг. О борьбе с греками пишет и Е. Е. Голубинский: «между русскими <...> времени, которое непосредственно предшествовало приступу Никона к исправлению чинов, обрядов и книг, господствовало твёрдое убеждение <...> будто греки эти отступили от чистоты православия» [4, с. 463–464].

Советская и во многом, по инерции, постсоветская историография выдвигали на первый план социальные причины, социальную борьбу. Квинтэссенцией такой позиции стали слова, приведённые в школьном учебнике 1985 г.: «раскол стал

одной из форм протеста народных масс против феодального гнёта»¹. Это, конечно, упрощение, однако в учебники, как правило, попадали устоявшиеся мнения по тем или иным вопросам, поэтому такую позицию можно считать консолидированной позицией советских историков.

Более тонкий подход продемонстрировал Н. И. Павленко. Он писал, что «единство взглядов [на унификацию церковных обрядов] было нарушено, когда зашла речь о выборе образцов, по которым надлежало производить исправления». Однако и здесь было заявлено, что «после собора 1666–1667 гг. <...> чисто религиозное движение приобрело социальную окраску» [7, с. 220–221].

Наконец, через много лет после падения советской власти в работе В. Артемова и Ю. Лубченкова читаем: «основную часть сторонников "старой веры" составляли посадские люди и крестьяне. Они связывали ухудшение своего положения и усиление крепостничества с нововведениями в церкви» [2, с. 173]. Здесь советский подход как бы «обернут» – не раскольническое движение было формой социального протеста, а сами реформы в церкви стали причинами социальных бед. Однако сама значимость социальных факторов и в таком подходе не подвергается сомнению. Да и другие авторы, например, В. Столбов, также утверждают, что «причины раскола <...> можно охарактеризовать: внутренние <...> внешнеполитические».²

Отметим, кроме того, книгу В. Волкова, в которой говорится о более реальном расхождении спорщиков: «в XII–XV вв. в чинах и обрядах иерусалимской, константинопольской, антиохийской и александрийской православных автокефалий произошли важные изменения (они

перешли на Иерусалимский церковный устав...), после чего стали весьма отличаться от русских обрядов» [3, с. 402]. Отметим, кроме того, что такие, более адекватные воззрения, отнюдь не зависели от времени их написания – скажем, всего за несколько лет до Волкова в своей работе Г. Артамонов заявил, что «несмотря на очевидную зависимость от патриарха и императора приезжих из Константинополья митрополитов» [1, с. 267], в то время как на Руси, пусть и домонгольской, московские митрополиты вели (и назначались) достаточно вольно.

Как мы уже отмечали, огромную роль сыграла и культурная традиция старообрядчества, отгородившегося от реформируемой России старыми книгами – как отмечает Кочергина, даже «в дальнем зарубежье <...> созданы целые коллекции памятников старообрядческих культур» [8, с. 52].

В результате проведённого историографического обзора подходов к причинам старообрядчества согласиться с каким-либо из этих подходов трудно. Конечно, в самом старообрядческом движении были и социальные мотивы (особенно начиная с восстания Степана Разина, т. е. с 1670 г., когда многие из восставших заявили о себе как о старообрядцах, тем более после разгрома восстания, присоединяясь, в частности, к «Соловецкому сидению» 1668–1676 гг.), и мотивы личного неприятия старообрядцами Никона (Аввакум пишет про Никона, что он «являлся <...> яко ангел, а внутрь сый диявол»³), однако *причинами* движения не были ни те, ни другие.

По нашему мнению, основной причиной стала борьба вождей старообрядчества за возвращение к идеалам «святой» Руси, включая идеи чистоты Церкви, которые, по мнению Аввакума и его еди-

¹ Рыбаков Б. и др. История СССР : учебник для 7 класса средней школы. М.: Просвещение, 1985. С. 164.

² Столбов В. Старообрядчество в России: историко-философский аспект // Проза.ру : [сайт]. URL: <https://proza.ru/2018/08/23/1283> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Аввакум Петров. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания // Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 125.

номышленников, были поколеблены реформами Никона.

Ещё Стоглавый собор за век до описываемых событий пытался бороться с теми явлениями, с которыми боролись и члены кружка «ревнителей благочестия», однако за прошедшее время ситуация, пожалуй, даже ухудшилась, виной чему, в первую очередь, русская Смута. Однако, с точки зрения расколоучителей, к старым бедам – разнообразным непотребствам среди священства (блуду, пьянству, неграмотности), языческим пережиткам среди населения – добавились новые, привнесённые временем, например, учреждение театра при дворе Алексея Михайловича, «блюдолюбные» образы среди боярства (т. е. ношение заморской, в те времена польской, одежды), другие «западные» новшества. Ко всему этому и царь, и патриарх (хотя и в меньшей степени) относились вполне снисходительно. Ни Аввакум, ни его единомышленники, напротив, с такими обстоятельствами мириться не желали.

Борьба с подобными «непотребствами» началась задолго до Аввакума. Ещё с 1620-х гг. появляются сектантские учения, отчасти напоминающие дуалистические ереси, стержнем которых было неприятие современной им жизни, в т. ч. церковной. Таким было, например, учение о «самоуморении» старца Капитона, считавшего, что земля «святой Руси», как и православная церковь, погрязла во грехе. Сам ересиарх носил каменные вериги весом в 3 пуда, спал, подвешиваясь – всё ради того, чтобы «уморить» себя, спастись от наступающих соблазнов.

Эти мотивы в учении старообрядцев, по крайней мере поначалу, не были явными (проявились они уже впоследствии, в форме «гарей»), однако сам Аввакум, несомненно, признавал верность пословицы «смехи введут во грехи». Как раз дуалистический элемент практически незаметен у старообрядцев, однако неприятие всего нового, пришедшего из Греции или Киева, для них очевидно.

В сущности, учение вождей старообрядчества можно разделить на 3 пласта:

1. самый очевидный, обрядовый: двоеперстие, хождение посолонь, сугубая «аллилуйя», написание «Исус» вместо «Иисус» («аз» единый) и т. д.;

2. социальный уровень (отнюдь не в том смысле, как его понимала советская историография): возвращение к чистоте церкви и воспитание среди народа благонравия и благочестия. Не зря сам Аввакум пишет в своём «Житии»: «не починая, аз, грешный, прилежа и в церквах, и в домех, и на распутиях, по градам и селам <...> проповедуя и уча слову божию». Надо сказать, что за такое прилежание, за призывы к аскетизму протопоп не раз бывал бит, иногда чуть не до смерти. На этом уровне позиции Аввакума и Никона, в общем, не расходились;

3. следование идеалам «святой Руси», «Москвы – Третьего Рима», тому общественному, а не церковному устройству, о котором писал ещё Филофей. Этот уровень, пожалуй, в полной мере не был от-refлексирован старообрядцами.

Со сторонниками Аввакума боролись во многом как против «постников, молебников и книжников» [10, с. 153], как говорилось по поводу других отступников от официальной церкви – стригольников. Но Аввакум, как и его будущие союзнники, был, в первую очередь, человеком живой проповеди, хотя и стал знаменитым древнерусским писателем.

Аввакум писал: «я ведь не богослов»¹, однако по его сочинениям рассыпано множество намёков на подоплёку его учения. Фразой «беда миру бедному пришла!»² он описывает нововведения не только в церкви: «Где строение сёл любимых? Где сады и преграды? <...> Где жезл и меч, им же содержал царствия державу?»³, «А Борис Афонасьевич ещё

¹ Аввакум Петров. Письма к Симеону. // Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 223.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 229.

ли троицу ту страха ради не принял? Жури ему...»¹. Иными словами, не формулируя отчётливо как программу борьбы за идеалы «святой Руси», Аввакум на практике проводит эту программу.

Вот что было истинной основой старообрядчества, а не социальная борьба и уж тем более не личное противостояние с Никоном. Из этой основы выросло неприятие новой обрядности, вводимой посредством киевского монашества по образцам греческой церкви (которую, кстати, покарал Бог, отдав во власть иноверцев). Поэтому можно признать справедливым утверждение Л. Н. Гумилева, что «сторонники Аввакума отстаивали превосходство местного варианта православия <...> над традицией вселенского (греческого) православия» [5, с. 244].

Такова наша интерпретация причин раскола Русской православной церкви.

Заключение

Думается, мы смогли показать всю сомнительность личностных или социальных подходов к Расколу, которые, хотя и играли некоторую роль (скажем, во время восьмилетнего «Соловецкого сидения»), но отнюдь не были довлеющими причинами раскола.

Аввакум призывал, но призывал неясно, глухо, к следованию за идеалами «Святой Руси» – никогда, кстати, не бывалой, но близкой его пастве – и, возможно, именно в силу «глухости» его призывов, их невятности и потерпел поражение в борьбе с никонианами. С ним боролась, как будто его взгляды были близки «манихеям, маркионитам, богомилам» [6, с. 39], а не вполне обычным русским православным, хотя и не пожелавшим подчиниться воле патриарха.

Дата поступления в редакцию 31.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов Г. Некоторые особенности эволюции институтов церковного управления Древней Руси (до конца XIII века) // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 266–280.
2. Артемов В., Лубченков Ю. История. М.: Академия, 2016. 448 с.
3. Волков В. История России с древнейших времен до конца XVII века. М.: Юрайт, 2016. 452 с.
4. Голубинский Е. К нашей полемике с старообрядцами. М.: Университетская типография, 1896. 50 с.
5. Гумилев Л. От Руси до России. М.: АСТ, 2008. 416 с.
6. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Л.: Советский писатель, 1990. 128 с.
7. История России с древнейших времен до 1861 года / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров. М.: Высшая школа, 2001. 536 с.
8. Кочергина М. Русское старообрядчество и сохранение культурного наследия Древней Руси: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2. С. 51–60.
9. Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 7. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 672 с.
10. Рыбаков Б. Стригольники. М.: Наука, 1993. 334 с.
11. Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 10. М.: Издательство социально-политической литературы, 1961. 415 с.

REFERENCE

1. Artamonov G. [Some Features of the Evolution of the Institutions of Church Administration in Ancient Russia]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Educator in the 21st century], 2015, no. 4, pp. 266–280.
2. Artemov V., Lubchenkov Yu. *Istoriya* [History]. Moscow, Akademiya Publ., 2016. 448 p.
3. Volkov V. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka* [History of Russia from ancient times to the end of the 17th century]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 452 p.

¹ Аввакум Петров. Письмо к Афанасию. // Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 238.

4. Golubinsky E. *K nashei polemike s staroobryadtsami* [To our controversy with the Old Believers]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1896. 50 p.
5. Gumilev L. *Ot Rusi do Rossii* [From Russia to Russia]. Moscow, AST Publ., 2008. 416 p.
6. Gumilev L., Panchenko A. *Chtoby svecha ne pogasla* [So that the candle does not go out]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1990. 128 p.
7. Pavlenko N. I., Andreev I. L., Kobrin V. B., Fedorov V. A. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1861 goda* [History of Russia from ancient times to 1861]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001. 536 p.
8. Kochergina M. [Russian Old Believers and Preservation of the Cultural Heritage of Ancient Russia: History and Modernity]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2019, no. 2, pp. 51–60.
9. Macarius (Bulgakov). *Istoriya russkoi tserkvi. Kn. 7* [History of the Russian Church. Book 7]. Moscow, Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1996. 672 p.
10. Rybakov B. *Strigol'niki* [Strigolniki]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 334 p.
11. Soloviev S. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 10* [History of Russia from ancient times. Vol. 10]. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-politicheskoi literatury Publ., 1961. 415 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефремов Сергей Александрович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: 11sae11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Yefremov – postgraduate student, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: 11sae11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ефремов С. А. Раскол в Русской православной церкви: социальный протест или спор о путях развития России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 46–51.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-46-51

FOR CITATION

Yefremov S. A. Schism in the Russian Orthodox Church: a social protest or a dispute about the ways of Russia's Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 46–51.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-46-51